

Виноградов В.Н. Восточный вопрос в большой европейской политике// В «пороховом погребе Европы». 1878-1914 гг. М., 2003.

Весть о решениях Берлинского конгресса вызвала в России что-то вроде общественного траура: столь разительной выглядела несоразмерность затраченных усилий с результатами, представлявшимися более чем скромными. Переправа через Дунай, осада и взятие первоклассной крепости Плевна, зимнее «сидение» на Шипкинском перевале, стремительный марш-бросок к Константинополю, 260-тысячные потери убитыми и ранеными¹, — и всего лишь возвращение Южной Бессарабии да приобретение Батума, Карса и Ар-дагана. Удручающе воспринимались итоги войны на Балканах, ради освобождения которых и была предпринята война. Болгарские земли были разрезаны надвое, и лишь в северной части образовалось вассальное княжество, южная часть получила только административную автономию и принца-христианина в управление.

Козлом отпущения стали дипломаты, к несчастью для себя представлявшие Россию на конгрессе. Златоуст славянофилов, Иван Сергеевич Аксаков, выступил с громоподобной речью: «Не собрались ли мы хоронить целые страны, свободу болгар, независимость сербов? Хоронить великое святое дело, заветы и предания предков, наши собственные обеты, хоронить русскую славу, русскую совесть?» Западные державы «срывают с России победный венец» и преподносят взамен «шутовскую с гремушками шапку». «Слово немеет, мысль останавливается, пораженная пред этим колобродством русских дипломатических умов, перед этой грандиозностью раболепства»². После этой речи Аксакову пришлось провести некоторое время в тиши Владимира, дабы остудить разгоряченный ум и умерить язвительность языка.

Даже много лет спустя великий князь Александр Михайлович сетовал: «Русские дипломаты еще раз подтвердили свою репутацию непревзойденной глупости, уговорив императора Александра II принять т. н. «дружественное посредничество» Бисмарка»³.

Но суждение современников не равнозначно суду истории. Последнее суждение должно выноситься не под воздействием момента и не под наплывом чувств, а на основе всестороннего анализа ситуации и во всеоружии документов. С этих позиций Берлинский трактат вовсе не являлся актом безоговорочной капитуляции России. Расчленение Болгарии, оккупация Боснии и Герцеговины авст-

12

ро-венгерскими войсками легли пятном на совесть ее дипломатии. Но что же было делать перед объединенным фронтом Англии и Австрии и подыгрывавшего им Бисмарка? И все же «плюсы» решений конгресса (вынужденные уступки со стороны оппонентов России) очевидны: три государства— Сербия, Черногория и Румыния — получили международное признание своей независимости. Возродился очаг болгарской государственности. Смертельный удар получил пресловутый принцип *status quo*, т. е. неприкосновенности владений Османской империи: от нее в Европе осталось не так уж много.

Но конгресс продемонстрировал полнейшую внешнеполитическую изоляцию России. Обретшие государственную независимость страны к ней охладели. В. М. Хвостов констатировал: «По своим результатам русско-турецкая война далеко не отвечала тому, к чему стремилось объявлявшее ее царское правительство. Она не укрепила, а ослабила влияние царизма на международной арене»⁴. Сходный взгляд, но более красноречиво, выражал С.Д. Сказкин: «Не было ни армии, ни флота, ни денег. Российское правительство даже не помышляло ставить какие-либо серьезные балканские вопросы. Оно ограничило свою активность в 80-е годы обороной от возможного наступления Англии в случае развала Турции и отнюдь не мечтало „получить ключи от своего дома“» (в виде Проливов). Память о крымском поражении не изгладилась, внутренне положение было неустойчивым, призрак потрясений в случае внешней неудачи тревожил правительство. «Проливы в руках Англии — это была комбинация, которой оно опасалось больше всего»⁵. Выход был один: перейти к

дипломатической обороне и осторожно поддерживать освободительное движение, так, чтобы оно не переросло в открытое восстание и не вызвало бы, упаси Боже, европейскую войну. В Петербурге пришли к выводу, что балканский вариант требует слишком больших затрат, приносит мало дивидендов и чреват серьезными осложнениями. Экспансионистская энергия самодержавия устремилась в Среднюю Азию, туда же переместился центр англо-русского соперничества.

В крайней степени встревожило Петербург заключение в 1879 г. германо-австрийского военно-политического союза, в тексте которого Россия фигурировала в качестве возможного противника. Правда, канцлер О. Бисмарк неизменно именовал свое детище «лигой мира», а кайзер Вильгельм I прислал своему племяннику Александру II извинительное письмо, но ведь в истории оборонительные акты исправно превращались в агрессивно-наступательные в случае необходимости для их инициаторов. Договор усиливал австро-венгерские позиции в Юго-Восточной Европе, он знамено-

13

вал выход Германии на линию энергичной экономической и политической экспансии в регионе и явился отправной точкой «дранг нах зюд-остен». В 1883 г. к союзу присоединилась Румыния; Сербия подчинила свою внешнюю политику Австро-Венгрии, обязавшись не заключать без санкции последней соглашений с другими государствами. В 1882г. в Турцию прибыла немецкая военная миссия для реорганизации ее армии; турецкие войска были поставлены под германский контроль, снабжение их сооружением монополизировали фирмы Круппа и Маузера. На Балканы, прежде всего в Румынию и Турцию, хлынул немецкий капитал.

Но в плане европейском произошло нежданное и вроде бы нелогичное событие — возобновление союза России с изменницей Австро-Венгрией, обуздавшей в Берлине в 1878 г. «чрезмерные» притязания балканского освободительного движения, и коварным Бисмарком, содействовавшим в том австрийцам и англичанам. Заключение уже «после Берлина» военного союза, направленного против России, казалось бы, отрезало все пути к былому сотрудничеству трех монархов.

Петербург остро нуждался в выходе из изоляции. Поскольку Россия и в помыслах не имела нарушить мир на своих западных границах, не было причин опасаться вступления немецко-австрийского союза в силу в обозримом будущем; тревожным порубежьем стал Туркменистан и близкая к нему Индия; об англо-русском столкновении говорили всерьез, как о чем-то реальном.

И хотя альянс 1879 г. нанес сильный удар по традиционному сотрудничеству трех монархов — России, Германии и Австро-Венгрии, — он не убил саму идею. В основе ее лежала общая заинтересованность в сохранении абсолютистских и полуабсолютистских порядков «дома» и противодействии политическому прогрессу и революции на континенте, что требовало объединения сил.

Парижская Коммуна перепугала всех европейских правителей. Тревогу внушала и деятельность I Интернационала: «Все правительства были поражены характером и силой этой опасной ассоциации, проявившимся в эксцессах Парижской Коммуны, — говорилось в отчете российского МИД за 1871 г. — Они увидели социальную опасность, угрожающую в большей или меньшей степени всем»⁶.

В России народovolьцы преследовали самодержца, можно сказать, по пятам: повелитель империи жил в постоянном опасении покушения на свою жизнь. В Германии стремительно набирала силы социал-демократия; Австро-Венгерская монархия раздиралась национальными и социальными противоречиями.

ОДИЧЕСКОЕ МОРС

Балканский полуостров после Берлинского трактата 1878 г.

1. Границы государств по Берлинскому трактату.
2. Прочие границы.
3. Автономные княжества, получившие в 1878 г. независимость.
4. Территории, утраченные Турцией.
5. Территории, оставленные в Турции лишь номинально.
6. Турция в 1878 г.
7. Границы Болгарии по Сан-Стефанскому договору.
8. Присоединение к России южной част Бессарабии.

15

Стремление опереться на сильную консервативную монархию континента, германскую, отчетливо проявлялось во влиятельных российских кругах во главе с самим императором, будь то Александр II или его преемник. Наличествовали и важные соображения стратегического плана. Сотрудничество со вторым рейхом прикрывало западную границу и позволяло активизировать восточную политику: в Средней Азии, а затем и дальше, вплоть до Тихого океана. Крутая внешнеполитическая переориентация повела бы к еще большему сближению Берлина и Вены и поставила бы Россию перед вечной угрозой вторжения двух центральных держав, да и Франция была еще слишком слаба, напугана поражением 1871 г., чтобы служить опорой русской политики; напротив, сотрудничество с Германией рассматривалось как способ ослабления австро-венгерского союза, как своего рода диверсия против него.

Веские соображения побуждали Бисмарка не рвать традиционные узы с самодержавием. Он отнюдь не желал ссоры. Он понимал, конечно, что союз с Габсбургами придется оплачивать учетом их балканских интересов. В то же время обострения обстановки на Юго-Востоке Европы следовало избегать. Втягиваться в австро-русскую ссору на Балканах отнюдь не входило в планы канцлера. Значит, надо было изыскивать какую-то комбинацию, в рамках которой можно было на правах фактического арбитра разрешать противоречия. «На Востоке, — размышлял канцлер, — нашими общими задачами являются: сохранение по возможности мира между всеми, в особенности же нам надо предотвратить конфликт между Россией и Австрией, равно как совместное военное выступление только России и Австрии против Турции»⁷. Нако-

нец, идея-фикс канцлера о новом разгроме Франции предполагала отстранение России от конфликта, а для этого нужны были дружественные отношения с правящими кругами Петербурга. Первостепенной задачей в этом направлении являлось стремление не допустить франко-русского сближения. Наиболее подходящей формой для воплощения в жизнь всех этих соображений являлось продление «союза трех императоров» 1874г., которому на Берлинском конгрессе был нанесен серьезный удар, а договор 1879 г. с Австро-Венгрией фактически прекратил его существование.

Наименьшую охоту к возобновлению комбинации проявляла Вена, опасавшаяся, что это повлечет за собой ослабление германской поддержки в балканских делах. Бисмарк заверил встревоженных австрийцев, что союз 1879г. будет при всех условиях сохраняться. Но он же почти ультимативно требовал у своего австрийского коллеги Г. Хаймерле прекратить обструкцию переговоров.

16

17

Опасаясь, как бы Германия и Россия не обошлись бы без Австрии, и, стремясь связать руки русской дипломатии на Балканах, австрийцы, в конце концов, прекратили свою тактику проволочек. 18 июня 1881 г. договор был подписан в Берлине, «союз трех императоров» возобновился и просуществовал еще шесть лет. Это была сделка на основе компромисса сталкивающихся интересов. В статье 1-й говорилось, что, если один из участников договора окажется в войне с «четвертой великой державой, остальные сохраняют по отношению к нему благожелательный нейтралитет». Казалось бы, Бисмарк вырвал у русских столь желательные условия на случай франко-немецкого конфликта. Однако из Петербурга последовало заявление, подразумевавшее, что Германия на Францию не нападет. В договоре прямо делалась оговорка насчет Турции: в случае войны с нею условием нейтралитета явится предварительная договоренность относительно конечных результатов; австрийская «рука» в этой оговорке выделялась отчетливо. По русскому настоянию, принцип закрытия Черноморских проливов (подразумевалось вторжение британского флота) сохранялся и во время войны. Наконец, Габсбургская монархия обязывалась не препятствовать объединению Северной и Южной Болгарии (Восточной Румелии) и созданию единого Болгарского государства. В высших эшелонах Российской империи тяжело переживали поражение, понесенное в болгарском вопросе на Берлинском конгрессе, и надеялись на ревизию принятого тогда решения, полагая, что противоестественное разделение единого народа долго длиться не может. Австрийское согласие было куплено дорогой ценой за счет другого балканского народа: Вена заручилась санкцией на аннексию Боснии и Герцеговины, оккупированных ее войсками в 1878 г.

Ведущий переговоры П. А. Сабуров в ослеплении своем воображал, будто достиг «блестящего результата»: «Мы открываем в наших отношениях с Австрией и Германией настоящий текущий счет, в котором я не отказываюсь увидеть в один прекрасный момент оккупацию Проливов Россией»⁸. Редко когда дипломат так переоценивал свое детище. В российской дипломатии всегда существовали экстремисты, взгляды которых и по сей день выдаются западной историографией — и не без успеха — за официальный курс российской политики. В 80-е гг. к таковым принадлежал Петр Александрович Сабуров, посол в Берлине. Возобновленный в 1881 г. «союз трех императоров» он считал трамплином для прыжка к Проливам. Хотя ему и предписано было молчать («мой рот закрыт», — жаловался Сабуров в письме Гирсу от 12(24) февраля 1883 г.), но молчать посол не мог от распиравших его экспансионистских эмоций («я не

16

могу удержаться от того, чтобы не думать об этом непрерывно»)⁹. Сабуров полагал, что стоит Германии дать свободу рук с Францией, — и она согласится на осуществление далеко идущих российских замыслов, вплоть до завоевания Проливов. Если судить по замечаниям и, еще больше, по умолчаниям Бисмарка, это было так. Но ведь существовала Австро-Венгрия на юго-западном фланге и Великобритания, которая

ни за что не допустила бы решения о Проливах в неуютном «владычице морей» духе. «Последняя, — говорил Бисмарк, разумеется не Сабурову, а более доверенным лицам, — ...никогда не допустит, чтобы Константинополь и вход в Босфор попали в русские руки, и чтобы Малая Азия оказалась зажата между русской Арменией и русскими позициями на Дарданеллах, которые превратились бы в станцию для вылазок на египетско-индийские морские пути»¹⁰. Генерал А. Вальдерзее писал о подобных планах: Бисмарк хочет «заманить» Россию на Балканы «и таким образом столкнуть ее с Австрией, Италией и Англией, причем мы непосредственно участвовать не будем»¹¹. Поэтому в Петербурге поспешили охладить разгоряченную голову своего берлинского представителя.

На деле «союз трех императоров» в новой своей ипостаси фиксировал зыбкое равновесие интересов партнеров на то время, пока ни один из них не предпринимал значительных акций ни на Западе, ни на Юго-Востоке континента. Буде пора таких действий придет — следовала серия переговоров с трудно предсказуемыми результатами. Да и мог ли быть иной исход, когда сам Александр III полагал: «С австрийцами мы не сойдемся и никаких соглашений с ними иметь невозможно»¹².

Единственное, что можно оценить с плюсом в этой сделке, — это согласие трех держав на объединение Болгарии, если оно произойдет «силою вещей». Однако и это положение потеряло смысл в связи с крутым поворотом в русско-болгарских отношениях.

В 1885 г. взоры европейской дипломатии вновь обратились на Балканы: не выдержало напора и оборвалось самое слабое и порочное звено решений Берлинского конгресса — то, что предусматривало раздел Болгарии на две части. Извне всяческую помощь стремившимся к объединению своих земель болгарам после конгресса оказывала Россия. Достаточно прочесть страницы дневника влиятельного военного министра Д. А. Милютин, уверенного в том, что «маленькая автономная Болгария послужит ядром для объединения всего болгарского народа». Консулам предписывалось всеми средствами способствовать поддержанию связей между двумя частями страны, в формируемое болгарское войско вступали и жители

18

Милютин исходил из того, что влияние России должно базироваться на внимании и глубоком уважении к правам и историческим традициям Болгарии. Его воздействию приписывается согласие царизма на Тырновскую демократическую конституцию 1879 г. Он же исподволь, но тщательно готовил условия для скорого, как он верил, объединения «двух Болгарии» (в милицию Восточной Румелии были направлены русские офицеры, в области получали распространение гимнастические общества, исправно готовившие военные кадры)¹³.

Александр III пустил по ветру всю эту тщательно продуманную и старательно осуществлявшуюся кампанию по подготовке к слиянию Северной и Южной Болгарии, рассорившись с болгарским князем Александром Баттенбергом. Подробно обо всем этом см. ниже. Здесь же мы ограничимся характеристикой, данной акад. С.Д. Сказкиным предпринятым неуклюжим маневрам, чередовавшимся с неприкрытыми угрозами: «Смелые дипломаты и brave генералы с истинно азиатским вероломством искореняли последние остатки русского влияния на Балканах»¹⁴.

Вакуума в политике не бывает, и «освободившееся место» немедленно заняла Великобритания. Две державы как бы поменялись местами. Раньше Петербург то дипломатическими мерами, то в дыму сражений помогал освобождению христианских народов и становлению их государственности, а Лондон с не меньшим упорством этому сопротивлялся, о чем свидетельствовали дебаты и решения Берлинского конгресса. Еще в 1880 г. английский посол в Стамбуле Г. Лейрд сетовал по поводу включения Софийского округа в Болгарское княжество¹⁵.

Но в Англии существовало и течение, гораздо более гибкое и маневренное по отношению к событиям в Юго-Восточной Европе. Лидер консерваторов Бенджамин Дизраэли (лорд Биконсфилд) третировал поднимающиеся нации с холодным презрением и великодержавной надменностью: «Нет слов, чтобы описать обстановку

на значительной части Балканского полуострова, занятой Румынией, Сербией, Боснией, Герцеговиной и другими провинциями. Здесь царят политические интриги, непрекращающееся соперничество партий, ...расовая ненависть, ограниченность враждующих религий и, главное, ощущается отсутствие верховной контролирующей власти, которая могла бы держать эту немалую часть земного шара в состоянии, напоминающем порядок»¹⁶. Иной точки зрения придерживался вечный оппонент Дизраэли, шеф либералов В. Ю. Гладстон. Он полагал, что с новыми государствами на Балканах можно не только поладить, но и опереться на них; продолжать упрямо ориен-

19

тироваться на сохранение в неприкосновенности Османской империи — значит поощрять «безнаказанность ее беспредельной дикости, ее разнузданной и бесовской похоти». Не надо опасаться, что новые государственные образования попадут под российскую лапу, утверждал он, ссылаясь на пример Румынии. Так что следует поощрять цивилизованное развитие Балкан, а не выступать в качестве «злого гения, который его подрывает, ему препятствует и мешает»¹⁷. " В 1885 г. Гладстон занимал кресло премьер-министра. Великобритания поддержала объединение княжества Болгарии и Восточной Румелии, Александр же III, рассудку вопреки, выступил против (что не помешало объединению свершиться), а император, порвав с Софией дипломатические отношения, самоудалился из Болгарии. Российское влияние в Юго-Восточной Европе упало до критически низкого уровня.

Тревожили и дела на западе Европы.

Франция после страшного разгрома 1870-1871 гг. долго держалась осторожно, а Бисмарк не расставался с надеждой на то, что удастся спровоцировать новую войну. В сентябре 1881 г. Л. Гамбетта, выступая за упрочение дружбы с Англией и Россией, в то же время предупреждал: «Никаких союзов сейчас — это было бы опасным. Бисмарк нас подстерегает, не будем предоставлять ему повода»¹⁸.

В феврале 1882 г. произошел т. н. «инцидент Скобелева». Пользовавшийся громкой славой генерал не придерживался дипломатического правила: язык служит человеку для того, чтобы скрывать мысли. Выступая перед проживавшими в Париже сербами, он заявил: «...Враг, столь опасный для русских и славян... это автор „Дранг нах остен“, это немец»¹⁹.

Всполошившееся русское правительство поспешило вызвать не в меру откровенного героя в Петербург; вскоре Александр III издал приказ, запрещающий военным служащим публично высказываться на политические темы.

Непросто складывались отношения у Парижа с Лондоном, и камнем преткновения в них служили египетские дела. В 1875 г. глава британского правительства Б. Дизраэли провел молниеносную операцию по покупке контрольного пакета акций Суэцкого канала, который, можно сказать, уплыл из-под носа у французских финансистов. А после восстания 1882 г. под руководством Ахмета Араби-паши англичане прибрали к рукам весь Египет, оставив, правда, ходива на престоле и призрачную зависимость от Стамбула, но сосредоточив все рычаги власти в руках своего консула. Средиземноморье оставалось болевой точкой в англо-французских отношениях. Отсюда проявившееся во французской политике стремление смяг-

20

чить Бисмарка кротостью: силы на реванш в ближайшие годы равнялись нулю, не лучше ли в таком случае демонстрировать смирение, а экспансионистскую активность устремить на завоевание колоний, — что можно было делать в широком масштабе, с отвлечением из Европы крупных военных сил, лишь с молчаливого согласия грозного немецкого канцлера, рассчитывавшего на неизбежное обострение англо-французских отношений. Французские солдаты двинулись в походы в Африку и Азию. Они сорвали драгоценные плоды — Тунис (1881 г.) и Индокитай (1884 г.). Политическим итогом явилась полная изоляция Третьей республики. Итальянские правители, претендовавшие на Тунис, бросились в немецко-австрийские объятия. В 1882 г. двойственный союз превратился в тройственный. В следующем году к нему присоединилась Румыния*.

Усилилась напряженность в отношениях Франции с Великобританией. Лондон с

подозрением следил за активностью соперницы в Юго-Восточной Азии и Африке. Хотя английский кабинет и придерживался тогда политики «блестящей изоляции», в 1887 г. он пошел на заключение Средиземноморской Антанты — соглашения с Италией и Австро-Венгрией о поддержании status quo в регионе. Она была направлена как против колониальных поползновений Франции, так и против попыток России упрочить свое влияние на Балканах. На переговорах незримо присутствовал Бисмарк. Однако его попытка втянуть Великобританию через «средиземноморский вход» в союз центральных держав не удалась: английский премьер-министр лорд Р. Солсбери снабдил договоренность столькими оговорками, что военная помощь со стороны его державы исключалась.

Весной 1885 г. англо-русский конфликт из-за влияния в Афганистане достиг критической точки. В Петербурге серьезно опасались войны. Из Берлина раздавались поощрительные возгласы: «Бог покровительствует вашим храбрым солдатам — нашим товарищам...»²⁰, — телеграфировал принц Прусский, будущий кайзер Вильгельм II. Еще бы! Англия и Россия — на острие ножа, Франция погрязла в Индокитае, а Германия — хозяйка континента.

Ситуация вызывала восторг в Берлине, но повергала в ужас французские политические круги.

На дрожжах оскорбленных национальных чувств, тревог и опасений французов возник культ героя. Объектом культа стал генерал Жорж Эрней Буланже, назначенный в начале 1886 г. военным министром. Пепел поражения жег сердца французов. Громогласные речи генерала о восстановлении национального величия падали на

* Гм ппячпел «румыния: от союза с Россией к союзу с Центральными державами».

21

благодарную почву, а его меры по укреплению армии воспринимались как желание бросить немцам вызов (хотя ничего не говорит о том, что сам Буланже всерьез думал о скором реванше).

По-настоящему перепугались буланжистской пропаганды не «враги за Рейном», коим она была выгодна, а министры в Париже — как бы их коллега в генеральском мундире не втянул Францию в авантюру. Его удалили из правительства, а затем и в отставку, через несколько лет он покончил жизнь самоубийством на могиле своей скончавшейся возлюбленной.

Шумиха вокруг Буланже помогала Бисмарку готовить комбинацию для достижения заветной цели — нового разгрома Франции. 10 января 1887 г. в ходе дружеской беседы канцлера с братьями Шуваловыми, Павлом, послом в Берлине и Петром, занимавшим такой же пост за десять лет до того в Лондоне, был сочинен проект договора, в коем гарантировался нейтралитет России на случай франко-немецкой войны в любом ее варианте для Германии, как оборонительном, так и наступательном. Желанное для канцлера обещание было дано. За него стоило дать обязательство не препятствовать овладению Проливами со стороны царизма, благо а) российское правительство всерьез не помышляло о подобной операции; б) можно было надеяться, что и без Германии найдутся силы, которые этому помешают; в) путь на Балканы для русской армии лежал через Румынию; в случае же нападения на нее немцы и австрийцы должны были прийти к ней на защиту (о чем Шуваловы не знали). Заодно резвые братья взвалили на свое правительство обязательство не посягать на территориальную целостность Австро-Венгрии.

На другой день, 11 января, Бисмарк в речи в рейхстаге «предался размышлениям» насчет судеб мира. Никто не может сказать, когда произойдет война с Францией — через 10 лет или через 10 дней, — заявил он. Вся Европа восприняла речь как сигнал к новой «военной тревоге». Немецкая шовинистическая печать сорвалась с цепи. Наиболее оголтелые газеты принялись делить шкуру неубитой Франции, — какие новые ее территории должны быть отторгнуты непосредственно в пользу Германии, какие переданы Бельгии.

Хотя французское правительство вело себя пассивно и смиренно, в марте 1887 г. волна немецкого шовинизма начала упадать, и связано это было с позицией России. В

Петербурге сочинение братьев Шуваловых не встретило одобрения; им велено было забыть о незадачливом проекте и не упоминать его всуе перед канцлером; а буде он сам затронет его — сказать, что был частный обмен мнениями между джентльменами. Бисмарк дал отбой. «Судьба Франции сего-дня — в Ваших руках», — обращался ее министр иностранных дел

22

23

Э. Флуранс к послу в Петербурге А. Лабуле. Сам Александр III, выразившийся порой с лапидарной выразительностью, объяснял позицию Бисмарка: «...Он понял, что раздавить Францию ему не дадут, вот и все»²¹.

Узы, связывавшие два двора — берлинский и петербургский, не были порваны. Бисмарк отчаянно боролся против фантома войны на два фронта. В июне его сын Герберт, тогда статс-секретарь по иностранным делам, и Павел Шувалов подписали документ, имевший мало общего с восхитившем старого Отто январским проектом. В историю он вошел под именем договора о перестраховке: стороны обязались сохранять нейтралитет в случае войны одной из них с третьей державой, кроме (в этом «кроме» — суть дела) случая нападения Германии на Францию и России на Австро-Венгрию. К немалому раздражению партнеров, П. А. Шувалов, на этот раз по указанию своего двора, заявил, что Россия не допустит «нанесения смертельного удара» Франции, Германия признавала права, «исторически приобретенные Россией на Балканском полуострове» и обещала поддержку действиям партнерши по «защите входа в Черное море», буде возникнет такая нужда. Увы, Австро-Венгрия этих прав не признавала и поддержки не обещала²².

Зигзаги, связанные с перипетиями середины 80-х гг., окончательно убедили правящие французские круги в опасности внешнеполитической изоляции. Они стали упорно и активно искать союза с Россией, находя сочувственный отклик во влиятельных буржуазно-помещичьих российских кругах, что выражали статьи в прессе либерального и консервативного направления: гегемония Германии на континенте вызывала здесь всеобщее недовольство. Констатируя желательность сближения с Францией, в Петербурге не спешили, однако, связывать себя письменными обязательствами; подразумевалось, что Россия и без них не позволит разгромить и поставить на колени Францию. Уже в начале 1888 г. Бисмарк в рейхстаге заговорил о «франко-русском прессе», сжимающем Германию и побуждающем ее к новым вооружениям²³.

В помощь себе правительство Франции мобилизовало финансы: в 1888 г. банкиры этой страны предоставили самодержавию заем в 500 млн франков. Тогда же последовал крупнейший русский заказ на полмиллиона винтовок, причем посол А. П. Моренгейм обещал, что никогда эти винтовки не будут направлены против французов... Размещение займа прошло с невиданным успехом, сумма подписки достигла миллиарда франков с четвертью, курс русских бумаг на парижской бирже рос — французский капитал голосовал за союз с Россией. Характерно, что парижский денежный рынок тогда же наглухо закрылся для Италии, пока эта страна, — объясняли банкиры ходатаям из Рима, — находится в Тройственном союзе.

Воцарение в Германии Вильгельма II в 1888 г. в Париже встретили с тревогой. Новый кайзер поспешил засвидетельствовать вечность границы, установленной в 1871 г.; местом своего первого зарубежного визита он избрал не Вену, столицу официального союзника, как то можно было ожидать, а Петербург. Дважды, в 1889 и 1890 гг., он приезжал в Лондон. В Париже гадали: что это — посещение почтительным внуком своей бабки Викторией или визиты германского императора британской королеве? Похоже, последнее преобладало: в 1890 г. между двумя странами был заключен договор, по которому Германия признавала английские «интересы» (то бишь, соглашалась на господство) в Уганде и протекторат над Занзибаром. В обмен на этот колониальный куш рейх получал от Великобритании остров Гельголанд в Северном море, имевший большое стратегическое значение.

С восшествием на германский престол Вильгельма II и последовавшей отставкой

Бисмарк внешняя политика рейха приобрела характер импровизации с оттенком авантюризма. На смену стратегическому курсу старого канцлера, направленному на изоляцию Франции и поддержание сносных отношений с Россией, дабы не оказаться между двумя врагами, курсу, вынашивавшемуся и осуществлявшемуся десятилетиями, пришли быстротечные комбинации.

Историки порой склонны приписывать эти метания свойствам натуры кайзера, самовлюбленного актера, для которого поза стала вторым «я». На наш взгляд, это все-таки не так, хотя император и вносил в деятельность Аусландта элементы болтливости, суетливости, и истерии. Главная причина крылась в утопичности самого замысла об установлении германской гегемонии на континенте; а какова цель — таковы и средства.

Страхи Парижа относительно русско-германского сближения оказались ложными. Сменивший в 1890 г. Бисмарк на посту канцлера генерал Л. Каприви быстро растранил бисмарковское политическое наследие, один из постулатов которого гласил: не доводить дело с Россией до ссоры и всячески стремиться избегать войны на два фронта. Он склонился к точке зрения военщины, во главе которой встал генерал А. Вальдерзее, о неизбежности такой войны, а стало быть, и о бесполезности договора о перестраховке, который мешал ее подготовке; договор не был продлен.

Теперь основным звеном в проведении этого курса становилась позиция Великобритании, ее вхождение в Тройственный союз делало его преобладающим не только на суше, но и на море, оно обеспе-

24

чивало верность Италии, — учитывая конфигурацию «итальянского сапога», уязвимость его во всех точках для британского флота, Рим не мог позволить себе роскошь ссоры с «владычицей морей». Но установление немецкой гегемонии на континенте нисколько не отвечало традиционному английскому курсу на равновесие здесь сил. Опытный и осторожный премьер маркиз Р. Солсбери не был склонен поэтому надевать на свою страну вериги военного сотрудничества и предпочитал сохранять свободу рук.

По уже прочно усвоенной привычке парижский кабинет во время очередной «военной тревоги» 1891 г. адресовался в Петербург за поддержкой. В последней не было отказано. В письме российского министра иностранных дел Н.К.Гирса давалась высокая оценка «сердечному согласию, которое столь счастливо водворилось между Россией и Францией» в частности потому, что оно явилось «противовесом влиянию лиги центральных держав», обеспечивая «благотворное равновесие сил»²⁴.

Французов происшедший инцидент побудил к активизации поисков договорного оформления сотрудничества с Россией. И, хотя они выступали в качестве стороны инициативной и ищущей, — непосредственной угрозы от Германии Россия не ощущала, напротив, из Берлина раздавались дружеские излияния, — выдвинутые первоначально условия оказались совершенно неприемлемы для Петербурга. Их прекрасно выражала формула: союз всадника и лошади, причем на роль всадника намечалась, естественно, Франция. Было выражено пожелание о заключении военной конвенции с максимально точным изложением русских обязательств на случай франко-немецкой войны, ответные обязательства Франции на случай конфликта на Балканах (с Австро-Венгрией) обрисовывались туманно, а англо-русский конфликт в Средней Азии вообще выпал из поля зрения проектантов.

Пока летом 1891 г. шел этот зондаж, французская эскадра на всех парах шла в Кронштадт с дружеским визитом. Мир стал свидетелем событий, далеко вышедших за рамки международного обмена любезностями. Александр III, стоя на палубе французского броненосца, выслушал «Марсельезу», исполнение которой в России было запрещено как песни революционной и подрывной. Офицеров и матросов эскадры адмирала Жерве тепло чествовали в Петербурге, группа моряков посетила Москву, обеды и приемы следовали один за другим. Под впечатлением встречи во французской печати появилось выражение «Кронштадтский год», — явный намек, что визит явился внешним проявлением перелома во всей системе европейского баланса сил. Так оно и было.

Переговоры велись в глубокой тайне. Характерно, что о них ничего не говорилось даже в таких документах для узкого круга посвященных, как отчеты российского МИД за 1892 и 1893 г. Но что сотрудничество налаживалось на военной почве, было ясно всем.

Французы, как сторона ищущая, пошли на уступки русским партнерам в расширении определения агрессора. Они держались крайне любезно в большом для российских сановников и самого царя Восточном вопросе. Министр иностранных дел А. Рибо снабдил своего посла в Константинополе инструкциями, «списанными», по его словам, с тех, которыми был снабжен российский представитель. Незадачливые маневры Александра III в болгарских делах, включая «непризнание» им князя Фердинанда Кобургского *, поощрялись. Так, обходным путем, через балканские и ближневосточные проблемы французская дипломатия не без успеха прокладывала путь к решению главного — определению военных условий союза.

Александр III пришел к мысли о неизбежности столкновения с Германией: «Нам действительно надо сговориться с французами и, в случае войны между Францией и Германией, тотчас броситься на немцев, чтобы не дать им времени сначала разбить Францию, а потом обратиться на нас»²⁵, — делился он мыслями с приближенными в феврале 1892 г. Оставалось оформить то, что созрело в умах политиков.

С русской стороны переговоры вел начальник генерального штаба Н. Н. Обручев, высокообразованный военный, смолоду близкий к демократическим кругам, отказавшийся участвовать в подавлении польского восстания 1863 г., с французской — генерал Р. Буадефр. Обнаружилось, что последний, разумеется не по своей инициативе, стремился как можно неопределеннее говорить об эвентуальной войне против Австро-Венгрии: «французы желали бы, буде возможно, заключить с нами конвенцию исключительно на случай войны с Германией», — делился Обручев своими впечатлениями. Получив отказ, они согласились на формулировки, удовлетворявшие их русских контрагентов. В окончательной редакции документа предусматривалось вступление военной конвенции в силу в случае, если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией, а Россия — Германии или Австрии, поддержанной той же Германией. Франци[^] выставляла против Германии на последний день мобилизации 1300 тыс., а Россия — 800 тыс. человек плюс войска против Австрии. 17 августа 1892 г. конвенция была подписана, франко-русский военно-политический союз оформлен²⁶.

* См. раздел «Из „семейной хроники славянства“».

Как бы строга ни была тайна, окружавшая длительные франко-русские переговоры, общая их направленность и смысл договоренности секретом остаться не могли, и это способствовало ослаблению напряженности в Европе. Не успела французская эскадра пришвартоваться к кронштадтским причалам, как из Лондона морякам поступило приглашение посетить на обратном пути Портсмут, где их ждал теплый прием. Премьер-министр Р. Солсбери поспешил отмежеваться от Тройственного союза и произнес панегирик «блестящей изоляции» Великобритании. В Италии, третьем члене центральной группировки, просто-напросто перетрусил — как-никак, французский флот представлял серьезную силу, — и, похоже, пожалели, что продлили свое участие в Тройственном союзе на новый срок. Германия понесла крупное дипломатическое поражение; тяжелее всего бездумный отход от ориентации на Россию переживали сподвижники Бисмарка, вроде посла в Петербурге генерала Г. Л. Швейница, печалившегося по поводу крушения всех принципов, ради которых он трудился всю жизнь: основополагающий постулат бисмаркской внешнеполитической стратегии — проводить экспансию лишь в той мере, чтобы не идти на разрыв и конфронтацию с Россией, — был погран.

Франко-русское соглашение по форме носило оборонительный характер, его инициаторы рассматривали его как «противовес союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии». Оно и заключено было на срок действия Тройственного союза. Но франко-

русский альянс развязал российским правителям руки для проведения экспансионистской политики на Дальнем Востоке, завершившейся трагедией русско-японской войны 1904—1905 гг. Он способствовал дальнейшим колониальным захватам Франции (остров Мадагаскар и Центральная Африка). Неудача с Болгарией, выскользнувшей из сетей самодержавия, охладила в Петербурге интерес к балканским делам, вмешательство в которые обходилось дорого и плодов не приносило.

Но Юго-Восточная Европа продолжала оставаться очагом беспокойства на континенте ввиду нерешенности национального вопроса. В 1890 г. европейская общественность была взволнована вестями о массовой резне армян в Турции.

Правительство России, проводившее в то время активную колониальную политику на Дальнем Востоке и заинтересованное в поддержании мира в Европе и на Средиземноморье, стремилось «затормозить» до более благоприятного момента Восточный вопрос и встретило поддержку со стороны Австро-Венгрии, поглощенной решением внутренних проблем, непрекращавшимися спорами между двумя частями империи, борьбой с подъемом чешского на-

27

ционального движения. В мае 1897 г. иностранные ведомства России и Австро-Венгрии, обменявшись нотами, обязались поддерживать status quo на Балканах, заявляя, что «готовы заставить уважать этот принцип всякую другую державу, которая обнаружила бы притязания на вышеупомянутую территорию».

Но «заморозить» экономическое и политическое вторжение Германии и Австро-Венгрии на Балканы и Ближний Восток Россия была не в состоянии. Дрезденский и Немецкий банки овладели сетью железных дорог в Малой Азии; затем произошло приобретение контрольного пакета акций железных дорог в Юго-Восточной Европе общей протяженностью в 1260 тыс. км. Комиссионером строительства выступил лично кайзер Вильгельм II, нанесший осенью 1898 г. визит в Стамбул. Итогом явились переговоры, а затем и подписание соглашения о строительстве завершающего звена великого пути из Берлина в Багдад (т. н. три «Б» — Берлин — Бизантум (т. е. Константинополь) — Багдад), что пахло уже установлением контроля над экономической жизнью всего региона. По словам Г. Хильгартена, сюда «с грохотом и лязгом ворвались багдадские локомотивы, питаемые немецким финансовым капиталом»²⁷. Позиции Англии и Франции серьезно пошатнулись, о России и говорить нечего — она пребывала в глубокой обороне. Поражение в войне с Японией и революция 1905—1907 гг. основательно подорвали силы самодержавия, чем не замедлили воспользоваться соперники. В 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, не посчитав нужным выразить согласие на требуемую Петербургом компенсацию в виде разрешения русским военным кораблям свободно проходить через Босфор и Дарданеллы. Допустивший на переговорах грубую оплошность министр иностранных дел А. П. Извольский удалился со своего поста — правда, не в отставку, а в посольский особняк в Париже. В 1911 г. Россия получила новую пощечину, и все в связи с той же попыткой открыть для своих военных кораблей выход в Средиземноморье. Посол Н. В. Чарыков, выступивший с соответствующим демаршем, был дезавуирован своим руководством.

Но в недрах балканского общества зрели зерна сопротивления немецко-австрийским притязаниям на гегемонию. Национальная буржуазия выражала недовольство хозяйничаньем капитала Центральных держав в экономике своих стран, патриотически настроенные круги интеллигенции и офицерства протестовали против ущемления государственного суверенитета. В 1903 г. свержение династии Обреновичей в Сербии знаменовало обретение ею самостоятельности во внешних делах; она превратилась в центр притя-

28

жения югославян Австро-Венгрии. Сотрудничество Румынии с государствами Центра разьедалось противоречиями с Венгерским королевством по Трансильванскому вопросу. В XX столетии начался ее дрейф в сторону Антанты. Восстания в Македонии, все еще входившей в состав Османской империи, напоминали о нерешенных

национальных проблемах. Назревал конфликт между балканскими странами и Турцией. Попытки Германии и Австро-Венгрии выступить в роли «дам, приятных во всех отношениях», и сохранить позиции в столицах противоборствовавших сторон привели к тому, что недовольными оказались все. Соперничество великих держав ослабило их хватку над малыми мира сего, последние стали гораздо более самостоятельны в проведении внешней политики. Балканский союз Болгарии, Сербии, Черногории и Греции в войне 1912 г. отвоевал у Турции Македонию и некоторые другие территории, — но союзники рассорились в связи с разделом освобожденных земель. Болгария оказалась в изоляции, прежние союзники превратились во врагов, в войну против нее вступили Румыния и Турция. Последовало поражение и Бухарестский мир 1913 г., обернувшийся кратким перемирием, оставивший целый набор спорных территориальных вопросов. С приближением мировой войны Балканы стали ареной вербовки сторонников и для Антанты, и для блока Центральных государств. Но обо всем этом подробно сказано ниже.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История тыла и снабжения русской армии. Калинин, 1955. С. 179.
- ² Аксаков И. С. Речь, произнесенная... в Московском славянском благотворительном обществе. Берлин, 1878. С. 6, 8, 20.
- ³ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 28.
- ⁴ История дипломатии. М., 1963. Т. 2. С. 133.
- ⁵ Сказкин С. Д. Конец австро-германо-русского союза. М., 1974. С. 159, 213, 214. В данной главе, носящей обобщающий и вводный характер, широко используются высококомпетентные монографии С. Д. Сказкина, А. З. Манфреда, Ф. А. Ротштейна.
- ⁶ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Отчет МИД за 1871 г. Л. 95.
- ⁷ Сказкин С. Д. Конец... С. 159.
- ⁸ Там же. С. 193.
- ⁹ Там же. С. 243. ¹⁰ Там же. С. 247.

Восточный вопрос в большой европейской политике

29

- ¹¹ Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. М.; Л., 1960. С. 143.
- ¹² Сказкин С. Д. Конец... С. 194.
- ¹³ Дневник Д. А. Милютин. М., 1950. С. 69-70. Т. 3.
- ¹⁴ Сказкин С. Д. Конец... С. 206.
- ¹⁵ Британски дипломатически документи по българския национален въпрос. София, 1993. С. 174.
- ¹⁶ The Berlin Congress. Ministerial Statement. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 79. Т. 2. Л. 432.
- ¹⁷ Gladstone W.E. Bulgarian **Horrors** and the Question of The East. L., 1976. P. 53-54.
- ¹⁸ Манфред А. З. Внешняя политика Франции 1871-1891 гг. М., 1952. С. 298.
- ¹⁹ Там же. С. 305.
- ²⁰ Там же. С. 352.
- ²¹ Там же. С. 423.
- ²² Там же. С. 423.
- ²³ Там же. С. 444.
- ²⁴ Там же. С. 503.
- ²⁵ Там же. С. 527.
- ²⁶ Там же. С. 530.
- ²⁷ Туполев Б. М. Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в к. XIX — нач. XX в. М., 1970; «Дранг нах остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871-1918 гг. М., 1977.